

Роман Вершилло

Христианская политическая философия

Оглавление

Основные понятия христианской политической философии	2
Наилучший образ жизни	6
Наилучшая форма правления	10
Православие и модернизм	13
Заключение	16
Литература	17

Основные понятия христианской политической философии

В христианской политической философии христианин исследует свое положение в обществе, приходит к истинным понятиям и правильно действует ради общественного порядка.

В Писании и Предании мы находим множество указаний по главному вопросу христианской политической философии: об ОТНОШЕНИИ ЦЕРКВИ К МИРУ. Христианская древность исследовала этот вопрос и боролась с гностицизмом, в котором мы видим первые попытки превратить религию в идеологию.

Сегодня в обществе и в Церкви нас окружают вещи, которые тоже нуждаются в изучении. Для этого мы должны помнить, что политика есть государственная дружба, повиновение друг другу в любви и всех вместе – Истине. Но политика также есть знание об истинном положении вещей: в современном обществе царит вражда и отвержение Истины.

Христианская политическая философия ставит и отвечает на следующие вопросы:

- Что христианин должен делать при либеральной демократии, коммунизме и нацизме?
- Как быть монархистом, когда монархии нет?
- Что значит быть православным, если в Церкви господствует модернизм?

Отвечая на подобные вопросы, мы заменяем свои мнения о политике – знанием. Мы также учимся участвовать в политике и не участвовать в гностической политике. Все это, между прочим, входит в обязанности свободного человека.

Равнодушие к политике В среде православных христиан вместо интереса к политике распространено равнодушие к ней. От равнодушия рождается невнимание. По невнимательности православные христиане принимают мнения, которые им кажутся приятными. Следуя своим мнениям, христиане поступают в политике как попало, и тем самым оказываются в одной компании с гностиками.

Представьте себе человека, который думает, что свободное соперничество мнений ведет к миру в обществе (либерал). Вообразите человека, для которого суть политики состоит в войне богатых и бедных (социалист). Представьте себе того, для кого суть политики есть непрекращающаяся война (правый модернист). Наконец, мы сталкиваемся с христианином, который думает, что Церковь не отделена от мира. Это православный модернист.

Далее ложные понятия, неверные приемы соединения понятий и неправильные действия складываются в политический гнозис, который обычно называют «идеологиями». Идеологии одурманивают миллионы и миллионы людей. Вместе с ними и христиане мыслят не по-христиански, повторяя идеологические штампы. Что может быть хуже этого?

Первые понятия Итак, христианину необходимо думать о политике и, прежде всего, об отношении Церкви к миру. Для этого нужны предварительные понятия:

- Единовластие,
- Безвластие
- Наилучший образ жизни
- Наилучшая форма государственного правления.

Сначала понятия послужат нам инструментами, а потом и сами понятия мы поймем глубже и полнее.

Единовластие Общество устроено так же, как и весь мир. Как над миром есть Один Бог, Творец и Промыслитель, так в семье один отец, на корабле один капитан, в государстве один правитель:

Един есть Господь и Законоположник, как написано, одна власть и одно Богоначалие над всем. Это единоначалие, источник всякой премудрости, благодати и благочиния, простираясь на все, от благодати Божией получившие начало, твари, без произволения их, дано по подобию Божию устроить, в порядках жизни своей, произвольно, только одному человеку. Ибо божественный Моисей, в описании происхождения мира, из уст Божиих ишедшее приводит слово: «сотворим человека по образу нашему и по подобию» (Быт. 1:26). Отсюда учреждение между людьми всякого начальства и всякой власти, особенно в церквах Божиих: один Патриарх в Патриархате, один Митрополит в Митрополии, один епископ в епископии, один игумен в монастыре, и в мирской жизни, если хочешь послушать, один царь, один полководец, один капитан на корабле. И если б во всем этом не управляла всем воля одного, то ни в чем не было бы строя и порядка, и не на добро бы это было: ибо разноволлие разрушает все.[1, С. 93]

Когда мы рассуждаем от единовластия, ищем одно наилучшее, то мы, насколько возможно, ограничиваем свободу человека, а этого мы и добивались. Мы руководствуемся не своим удобством, не расчетом на успех в этой жизни.

Безвластие Если в семье два отца, на корабле несколько капитанов, если в обществе правят многие, то это не вариант порядка, а полный беспорядок. Многовластие – то же самое, что безвластие. В обществе, в котором правят многие, не правит никто.

Образ жизни Из понятия о власти и безвластии вытекает понятие о наилучшем образе жизни, посвященном следованию добродетели. Такая деятельность ставит человека перед Лицем Божиим, и поэтому называется СОЗЕРЦАТЕЛЬНЫМ ОБРАЗОМ ЖИЗНИ. Ум господствует в душе такого человека как монарх и поклоняется Единому Богу.

Признаки такого блаженного образа жизни: неизменность, непрерывность, самодостаточность, занятие своими делами, скромность. Внимательный, неразвлеченный образ жизни имеет награду и победу по дару благодати.

Сравните с тем, что предлагают нам православные модернисты. Они призывают вести жизнь в суете и развлечениях. Наилучшим образом жизни они считают многоделание и многознание.

Форма государственного правления Рассуждая об образе жизни, можно выяснить, какой способ государственного правления является наилучшим. Это МОНАРХИЯ.

Как ум в душе, так в обществе разумный должен править неразумными, старей – молодыми, муж – женой и детьми, господин – рабом, знающий – незнающим, добродетельный – порочными и так далее, до самых дальних уголков общественной жизни.

Вместо этого порядка, идеологии учат, как приспособиться к беспорядку и безвластию, выжить в развращенном обществе. Одним из способов адаптации является православный модернизм.

Итак, политическая философия учит нас об образе жизни, формах государственного правления и об отношении Церкви и мира. И мы должны знать, чему она учит, потому что идеологии тоже учат о том же, давая свои ответы на наши христианские вопросы.

Политические действия Верные понятия проливают свет на то, что происходит в современной политике и что надо в ней делать христианину.

Мы сами – часть миропорядка, который существует независимо от наших соображений. О том, что у нас один ум, мы узнаем не из книг. Это знание нам врождено, как и то, что над нами одна Истина, а не две. Поэтому надо подчиняться уму, как владычественному души, то есть не лгать, не идти на компромисс, не придерживаться двух мнений одновременно, не говорить двусмысленно.

Мы исповедуем вечные истины, но это не делает нас аполитичными и не ставит вне общества. Христиане не против политики, а против гностической политики. Мы отвергаем благо коррумпированного общества, как зло. И это делает нас его врагами.

Христиане действуют разрушительно Христианская политическая философия разрушительна, но не так как революционные идеологии. Она разрушительна для человеческой глупости и подлости, а по отношению к реальному порядку вовсе не разрушительна.

На современное общество и антигосударство христиане действуют разрушительно просто потому, что знают, какой образ правления наилучший.

Мы живем политической жизнью, но не участвуем в гностической политике. Значит, нам не позволено ошибаться. Мы не хотим укрыться от истины. Мы хотим знать истину и реальное положение вещей, не прикрываясь ни от того, ни от другого. Смотреть правде в глаза.

Мы боимся согрешить против Бога. Нам не позволено идти на компромисс с идеологиями по той же причине: есть только один наилучший образ жизни и наилучшая форма правления.

Церковь не может одинаково одобрить любой строй и любой образ жизни. Она отделена от мира в совершенно конкретном смысле:

Не может вступить в союз с антигосударством,
не может быть солидарна с духовно больным обществом, внутри которого не солидарность, а вражда.

Поступать как обычно Из этих тезисов и выводов следует та скучная мысль, что христианину не нужно делать ничего особенного. Ему нужно поступать как обычно, как всегда. Нужно учиться, заставляя себя поступать неоригинально. Ничего вокруг себя не менять, и не унывать от мысли об этом.

Христианин поступает одинаково при любом строе не потому, что он ему безразличен, а прямо наоборот. Чтобы вести себя одинаково, необходимо знать: в нормальном обществе ты живешь или в ненормальном, где начинается идеология и где она заканчивается.

Это позволит оставаться гражданином в развращенном обществе, подданным – при анархии, христианином – в модернистской Церкви.

Ведя деятельный образ жизни, необходимо знать, что лучше всего быть самодостаточным, непо потревоженным, не меняться в мире, где все пришло в движение.

Политическая философия говорит о модернизме Христианская политическая философия позволяет установить различие между модернистом и христианином.

Модернизм – одна из гностических идеологий, соперничающая в Церкви с православным Христианством. Это политическая религия, в центре вероучения которой неверное отношение к государству и обществу:

- вражда к христианскому государству,
- примирительное отношение к антигосударству и развращенному обществу.

Выводы Православным христианам надо думать о политике, знать, что Церковь враждебна миру.

В этом, как мы выяснили, нам помогают понятия, древние и с древности не изменившиеся:

- единовластие,
- образ жизни,
- форма государственного устройства.

Благодаря этим понятиям мы мыслим и поступаем одинаково и неоригинально в любых обстоятельствах.

Вот для чего нужна христианская политическая философия.

Наилучший образ жизни

Как надо рассуждать об образе жизни? Христианская политическая философия рассматривает вещи по их существу, а не применительно к нашей выгоде и расчетам. Она не управляет сознанием и не ищет противозаконной власти, которую дает такое управление.

Как политическая, христианская философия говорит прямо и грубо о практических вопросах общественной жизни. Она не мечтает о прекрасном строе и рассматривает реальность, какова она сейчас и на самом деле.

Образ жизни, как понятие Мы говорили о понятиях:

- Единовластие,
- Образ жизни,
- Форма государственности.

Понятия — наши инструменты, и мы как бы заточили их, сказав, что нас интересует только наилучший строй и образ жизни. И правильно: при единовластии в уме и в обществе самое хорошее всегда что-то одно.

Добродетели и силы души Но как нам выяснить, какой образ жизни наилучший? Воспользуемся отчасти объяснениями Аристотеля.

Достойный человек стремится к добродетели, и поэтому он достойный. Он может иметь много добродетелей и более всего преуспевает в какой-то одной. Его можно назвать счастливым, потому что он исполнил предназначение человека.

Добродетели не равны между собой, так как относятся к разным силам души. Скажем, воздержанность более связана с волей, рассудительность — с разумом. Силы души тоже расположены иерархически: одни выше, а другие ниже.

Наивысшая добродетель присуща наивысшей части души, то есть уму, который «начальствует и ведет и имеет понятие о прекрасных и божественных предметах». [2, С. 281] По объяснению св. Григория Паламы, ум это даже не сила или часть души, а сам человек:

«Ум» же отнюдь не является органом (души), но самодовлеющей сущностью, действующей сама по себе, хотя и снижает себя к душевным мыслям и обыденной жизни. [3, С. 132]

Следовательно, наивысшая добродетель состоит в том, чтобы всем сердцем, всею душою, всем разумением и крепостию предстоять пред Богом.

Наилучший образ жизни Наилучшим образом жизни будет тот, когда человек преуспевает в наивысшей добродетели. Аристотель называет такой образ «созерцательным» и описывает его свойства так:

Эта деятельность является высшей, так как и ум — высшее в нас, а из предметов его познания высшие те, с которыми имеет дело ум. Кроме того, она

наиболее непрерывная, потому что непрерывно созерцать мы скорее способны, чем непрерывно делать любое другое дело.[2, С. 281]

Для нас, христиан, ясно, что наилучший образ жизни посвящен неразвлеченной молитве и созерцанию вещей Божественных.

Можно преуспевать в разных добродетелях, от очень важных до всем приятных: аккуратности, исполнительности, вежливости, опрятности. Какова у тебя главная добродетель, таков будет и образ жизни.

Пример социального христианства Возьмите случай организованной христианской благотворительности (социального христианства).

Люди, которые собирают средства для больных, должны быть честными и бескорыстными, не ошибаться в подсчетах, знать бухгалтерию и законы о благотворительности. Не подлежит сомнению, что это похвальные добродетели и полезные знания.

Однако человек, который подает нищему ту копейку, которая у него при себе, преуспевает в гораздо более высокой добродетели: милосердии. Она гораздо проще, беззаботней, постоянной, чем организованная благотворительность. Она всегда с тобой, в любых обстоятельствах. А простота и отсутствие нужды в практических средствах, организации и сложных расчетах – это все признаки высокой добродетели.

Никакой образ жизни Добродетели поддерживают одна другую, не противоречат одна другой. Порядок в добродетели нарушается только тогда, когда подчиненные добродетели заменяют собой более высокие. Добродетель предприимчивости, например, начинают называть «милосердием».

Вернемся, однако, к «образу жизни».

Наряду с жизнью, посвященной следованию той или иной добродетели, есть такая жизнь, когда человек стремится к наслаждению и развлечению. Счастливым в этом смысле можно назвать и богача, который пиршествует блистательно, пока Лазарь мучается. Такой человек не следует никакой добродетели.

Значит, наряду с образом жизни есть его противоположность. Развратный, преступник и модернист не ведут никакой образ жизни. Они стремятся устроиться в этой жизни, но это ничто с точки зрения порядка.

Образ жизни как образец Так мы видим, что добродетель есть мера для человека, хотя бы он ей и не соответствовал. Выше этой меры нет ничего, но она не мечта. Христианская политическая философия описывает не утопический рай или ад на земле, а то, как надо жить в реальном мире.

Действительность как раз вносит уточнения в наше рассуждение.

Все образы жизни смешанные Хотя наилучший образ жизни только один-единственный, в чистом виде никакой из них не встречается.

Иначе нам бы пришлось выступать в роли законодателей, технологов спасения, которых сейчас развелось множество. Но это не так, и св. Григорий Богослов объясняет на своем примере:

Я примечал, что люди, которым нравится деятельная жизнь, полезны в обществе, но бесполезны себе, и их возмущают бедствия, отчего мягкий нрав их приходит в волнение. Видел также, что живущие вне мира почему-то гораздо благоустроеннее и безмолвным умом взирают к Богу, но они полезны только себе, любовь их заключена в тесный круг, а жизнь, какую проводят,

необычайна и сурова. Поэтому вступил я на какой-то средний путь между отрешившимися и живущими в обществе, заняв у одних собранность ума, а у других – старание быть полезным для общества.[4, С. 356-357]

Вроде бы св. Григорий уничтожает разделение видов жизни. Вовсе нет. Он как раз показывает, как надо рассуждать о человеке и о жизни, измеряя образцом.

Образец жизни и действительность Я сам не веду созерцательный образ жизни, как и многие из наших друзей и читателей. Мы живем семейной жизнью, работаем на светской работе.

Христианам запрещены развлечения, но на деле мы, к несчастью, развлекаемся.

Больше того, в обществе царит беспорядок, который распространяется и на семейную жизнь и на все роды деятельности.

Наконец, в самой Церкви утвердился и главенствует модернизм. А это тоже не частичный, а полный беспорядок, как вытекает из понятия о единовластии, о том, что наилучшее только одно. Нас смущает и возмущает то надругательство на святостью, моралью, истиной и верой, которое сегодня происходит ежечасно в нашей Церкви и в других Поместных Церквях.

Итак, вроде бы простая, техническая задача: найти наилучший образ жизни и ему следовать, – наталкивается на неожиданные препятствия.

Мы судим и избираем лучшее, хотя своими силами его никак не достигаем. Но из перечисленного далеко не всем нам подвластно. Препятствия в основном не зависят от нас. Они непреодолимы, оттого что отражают болезни не личные, а общественные.

Так что же мы познаем? Вот для чего христианская политическая философия ставит вопросы по существу. Начав понимать, мы уже поняли. Вот о чем говорил Аристотель, когда утверждал, что созерцание помимо себя самого не ставит никаких целей, самодостаточно и неутомимо (насколько это возможно для человека).[2, С. 282-283]

Например, мы знаем, что созерцательный образ жизни — наилучший. Очень хорошо! Это уже ясное понятие, и оно раскрывает нам, что происходит в действительности и с нами самими.

Все образы жизни смешанные? Это тоже нам говорит много важного. Например, что мы должны рассуждать не идеально, а политически.

Познание есть различие Познание проводит невидимую границу, отличая:

порядок от беспорядка, образ жизни от расчетливого приспособления к меняющимся условиям, форму правления от анархии. Наконец, в Церкви нам необходимо отличить Православие от модернизма.

И понимаем мы это грубо практически: анархия – это анархисты, преступление – это преступники, модернизм – это модернисты.

По ту и по другую стороны невидимой черты – люди. И кто на какой стороне? Каковы эти люди на одной стороне и каковы на другой? Чего хотят одни и чего другие? С кем объединены и в чем? И в чем и с кем они разъединены?

С помощью таких политических размышлений мы созерцаем порядок.

Вывод Итак, созерцательный образ жизни сегодня ведет тот, кто знает, что рядом с ним в Церкви есть модернисты, и не колеблется в вере в Бога.

Тот, кто хочет исполнить свой долг наилучшим образом, он тоже ведет созерцательный образ жизни, хотя бы не достигал совершенства.

Вот чему нас научило рассуждение о наилучшем образе жизни. Дальше мы будем говорить о наилучшей форме государственного правления и о модернизме в Церкви и наилучшем способе о нем мыслить.

Наилучшая форма правления

Мы говорили о трех самых важных понятиях христианской политической философии. Наряду с ЕДИНОВЛАСТИЕМ и ОБРАЗОМ ЖИЗНИ это еще и ФОРМА ГОСУДАРСТВЕННОГО ПРАВЛЕНИЯ.

Государство представляет собой строй, форму и порядок общества. В этом качестве государство имеет дело с миром, тем самым миром, который враждебен Церкви (1 Ин. 2:16). Но само государство не мир, а суд над миром. Здесь мы находим ответ на вопрос об отношении Церкви к миру.

Наилучшая форма правления Следуя нашему правилу судить высшим судом, мы ищем самый лучший строй.

Наилучшей формой правления будет та, которая более всего соответствует порядку в мире, который создал и поддерживает Господь.

Бог сотворил все в мире весьма хорошо (Быт. 1:31), расположил мерой и числом (Прем. Сол. 11:21). Сама природа вещей указывает на единовластие как норму в мире, обществе и душе.

Следовательно, наилучшей формой правления является монархия.

Монархия Монархию как недостижимый идеал может признавать и либерал. Такого монархиста вы всегда узнаете. Он прекрасно устроился в развращенном обществе, но продолжает говорить о монархе и монархии.

Не устраивает нас и монархист как идеолог, который в восстановлении монархии опирается на свои силы. Похвастаться успехом он обычно не может, но это не меняет дела.

Не говорим мы и того, что монархия образуется сама, без участия человека. Это тоже было бы неверно.

Заметьте, мы говорим, как не думать о монархии, и тем самым разрушаем мнения о монархии. Такое рассуждение согласуется с древней политической философией, которую приняла и христианская древность.

Различные формы правления Хорошо известны объяснения Аристотеля про три допустимые формы правления. Это:

- Монархия,
- Аристократия,
- Демократия.[2, С. 234]

Странно получается, не правда ли? Наилучшая форма только одна, но почему-то допустимы и другие. Почему-то запрещено разрушать демократию во имя монархии.

Здесь мы видим ту самую грубость политической философии, о которой мы говорили. Нельзя разрушать существующее несовершенное во имя более совершенного.

Революционерам, напротив, свойственна идеальная чистота помыслов. Например, коммунизм не допускает наряду с собой какие-либо другие формы правления. Все остальные формы должны быть разрушены, пусть и не сию секунду.

Неправильные формы правления Трех правильным формам правления противоположны три неправильные:

- Монархии – тирания,
- Аристократии – олигархия,
- Демократии – охлократия (власть толпы).

Правильные и неправильные формы различаются тем, правит ли достойный (достойные) или недостойный (недостойные):

Извращение царской власти – тирания: будучи обе единоначалиями, они весьма различны, так как тиранн имеет в виду свою собственную пользу, а царь – пользу подданных.[2, С. 234]

В аристократии правят наилучшие граждане, а в олигархии – наихудшие:

Аристократия переходит в олигархию из-за порочности начальников. . . Поэтому начальники малочисленные и плохие, вместо того чтобы быть самыми порядочными.[2, С. 234]

В демократии правят все граждане, если они стремятся к общему благу. В охлократии правит чернь, то есть народ, если он состоит из недостойных.

Итак, хотя мы и монархисты, но измеряем формы правления не монархией, а образцом человека.

Все формы правления смешанные Добавим еще и то, что ни одна форма правления никогда не встречается в чистом виде. Все существующие формы правления смешанные: монархия сочетается с элементами аристократии и т.д. Не смешиваются только правильные формы с извращенными, и монархия не может сосуществовать с охлократией.

Сложное рассуждение как лекарство от гнозиса Вот такое у нас получилось сложное рассуждение. Мы выделили истинные понятия и приготовили инструменты для исследования. Мы отличили мнения от понятий. Понятия более не перетекают друг в друга самодвижно, как в гнозисе.

Мы привязали порядок в обществе к миропорядку и порядку в душе. Теперь мы рассуждаем не произвольно, действуем не насильно и своевольно, а даем действовать самой истине.

Мы ищем лучшее, но знаем и то, каково положение вещей в нынешнем обществе. И обо всем этом мы судим грубо и прямо. Грубость в сочетании со сложностью заставляет задуматься и не позволяет опьяняться своими силами и возможностями.

Соединим понятия Теперь попробуем правильно соединить наши понятия, заимствуя некоторые рассуждения из главы об основных понятиях христианской политической философии.

Порядок либо есть, либо его нет совсем.

Безвластие – полный беспорядок.

Монархия – наилучшая форма государственного устройства.

Дурной строй устанавливается, когда недостойный человек приходит к власти.

Недостойный человек – не просто плохой. Это идеолог, человек зараженный политическим гнозисом. Как таковой, он всегда властвует незаконно.

Беспорядок состоит не в том, что в обществе не все люди хорошие, а есть и плохие. «Республика» как общее дело всегда составлена из хороших и плохих.

Люди забыли о наилучшем строе, о наилучшем образе жизни. Теперь нельзя измерить и отличить добро и зло.

Плохие люди устраивают беспорядок по своему образу и подобию. И это так называемый «малый порядок», который позволяет выжить, как-то устроиться, протянуть как можно дольше.

Христиане действуют разрушительно на малый порядок.

Беспорядок в нашем обществе Сегодня в российском обществе царит беспорядок.

Это беспорядок не частичный, а полный, когда никто не находится на своем месте.

Нет никакого строя. У нас никакой образ правления, полное безвластие.

Беспорядок распространяется на семейную жизнь и на все роды деятельности.

Выводы Теперь можно перейти к выводам.

Монархия – не идеал и не утопия. Монархизм зовет нас не к тому, чтобы вступать в монархические организации.

Мы останавливаемся на наилучшей форме, чтобы остановить свои разгоряченные мысли. И тогда мы постигаем, в какое время мы живем.

Все люди равны, но равны только равные, а неравные – неравны.

Не всякий человек поддается воспитанию.

В обществе есть хорошие и плохие.

В мире нет ни полного рабства, ни полной свободы. Тотальный электронный контроль – это попытка слепых овладеть зрячими. Он приводит к еще большему беспорядку и безвластию.

Твоим сознанием никто не управляет и управлять не может.

Можно и должно рассуждать с достойными о достойных предметах.

Наша цель Рассуждая сложно и по порядку, мы все-таки идем прямо к цели. А цель наша – оставаться гражданами при порядке и беспорядке, и не просто гражданами, а образцовыми. Наша цель – оставаться подданными, когда нет Царя.

Значит, у нас есть тоже мера успеха: поступить по совести важнее, чем переустроить все общество.

Следовательно, единовластие состоит не просто в том, что правит кто-то один. Благо всегда одно. Зло же не меньшее благо, а просто ничто.

Божественное единовластие не терпит ущерба, даже если люди завели свой беспорядки. И все равно беспорядок порочен и предосудителен, потому что он есть ложь.

Православие и модернизм

Христианство есть суд, и все христианское есть суд и милость. Поэтому и христианская политическая философия судит о некоторых важных вещах. Она судит об ОБРАZE ЖИЗНИ и ФОРМЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО ПРАВЛЕНИЯ.

Теперь перейдем к основному вопросу: ОБ ОТНОШЕНИИ ЦЕРКВИ и МИРА.

Церковь и мир Мы выяснили, что два порядка – Церковь и государство – не должны конфликтовать. И в обществе, и в Царстве благодати единовластен Один и Тот же Господь Бог, Творец и Спаситель. Монархи, в сущности гражданские деятели, поставляются благодатью Божией, и в это необходимо веровать.

Помышляющим, яко православнии государи возводятся на престолы не по особливому о них Божию благоволению, и при помазании дарования Святаго Духа к прохождению великого сего звания в них не изливаются: и тако дерзающим противу их на бунт и измену, анафема, анафема, анафема.[5]

Веруя в это, христианин следует наилучшему ОБРАЗУ ЖИЗНИ, даже если окружен людьми, не следующими никакому образу жизни.

Христианин правильно судит о ДЕЛАХ ОБЩЕСТВЕННЫХ, даже если государства нет.

Итак, сверхъестественный порядок всюду сосуществует с порядком природы и общества. Но вот уже с беспорядком в обществе Православие не может мириться, и в этом его отличие от модернизма. Тут мы говорим уже не о разных порядках: естественном и сверхъестественном. Мы сравниваем порядок, где царствует Господь, и беспорядок, устроенный человеком для себя и для других.

Модернисты разрушают сверхъестественный порядок, выдавая себя за православных. Они же вносят беспорядок и в общество. Они примиряются с развращенным обществом, как лжемиссионеры. Как сергиане, они сотрудничают с антигосударством не за страх, а совесть.

Вот почему христиане должны отличать православных от модернистов.

Для чего нужно отличать модернистов от православных? Мы должны выбирать единственно лучшее, а не то, что нам удобно и осуществимо нашими силами. Конкретно это означает, что православный должен быть прав во всем: в малом и большом. Да, разумеется, христианин отличает самое важное от менее важного, большое от малого, но прав он должен быть и тут, и там.

Следовательно, выступая против модернизма, мы боремся не за улучшение ситуации, не за то, чтобы распад замедлился, а за полную победу. Вот то наилучшее, что мы выбираем, становясь православными.

Значит ли это, что мы можем отсекал неправомыслящих направо и налево? Не совсем так.

Остаток веры Нужно искать наилучшее и совершенное, но это наилучшее тоже помещено в большой порядок Промысла Божия о спасении человека. И в этом большом порядке Бог предусмотрел неуничтожимый остаток веры, без которого нельзя быть христианином. Это не только вера, но и дары по вере.

Вот что говорит св. Григорий Богослов:

Всем общи: Закон, Пророки, Заветы, словеса Заветов, благодать, детовожделение, совершенство, страдания Христовы, новая тварь, Апостолы, Евангелия, раздаяние Духа, вера, надежда, любовь как к Богу, так и Божия. И дары эти – не так, как древле дар манны неблагодарному и непризнательному Израилю, даются не в меру, но каждому, сколько хочет. Таковы же: восхождение, озарение, малое еще здесь, а яснейшее в чаемой будущности, таково и то, что всего важнее: познание Отца и Сына и Святаго Духа, и исповедание первой нашей надежды. Что выше этого и что более обще? За этим же следующее, хотя выше ценится по редкости, но касательно необходимости занимает второе место. Ибо без чего нельзя быть Христианином, то полезнее доступного немногим.[6, С. 475]

Положение модерниста Теперь представьте себе положение какого-нибудь дьякона Кокина или протоиерея Павла Великанова.

Остатка веры у него нет. Модернизм ведь никакая не религия. Производить революцию в богословии или реформировать богослужение и Церковное устройство – это деятельность светская и непохвальная.

Да, модернист в свое время был рукоположен, устроился в Церкви, занял место в Синодальном отделе или Духовной академии, но это ничто с точки зрения порядка.

Он случайно оказался в Церкви и здесь неожиданно для него столкнулся с духовными вещами и духовным рассуждением о них. Понятно, что он растерян, но по-прежнему дерзок.

Чтобы как-то сориентироваться, духовным предметам модернист придумывает мирские объяснения. Он просто вынужден это делать, у него больше ничего нет за душой. Но он берет образы не из мира природы, а из нового мира идеологий. Вот какой *мир* несовместим с Церковью. Так рождаются модернистское богословие, публицистика, проповедь.

Итак, модернисты – это лица православные по своему положению в обществе. От православных их отличает то, что они исповедуют ту же неискупительную политическую религию, как и лица мирские. Поэтому модернисты призывают Церковь примириться с миром, в том числе с самими модернистами. Они добились того, чтобы их считали православными, используя захваченную ими Церковную и государственную власть.

Как разоблачить открытое зло? Все это говорит о том, что мы оказываемся в новом положении, в неожиданном месте.

До поры до времени можно было разоблачать неверие и аморализм модернизма в целом и каждого модерниста в отдельности.

Но разоблачать можно только то, что скрыто. Открытое и торжествующее зло уже невозможно разоблачить.

Итак, нам предстоит увидеть то, что открыто. Зло выступает в своей истинной форме, но это открывает нам не зло, которое всегда есть ложь. Истинную форму зла обнаружили мы, используя понятия и рассуждения.

Так давайте не будем устраивать обсуждение там, где обсуждать нечего, а назовем вещи своими именами:

- (1) Церковь и *мир идеологий* враждебны.
- (2) Православный это знает, и действует соответственно знанию и вере.
- (3) Модернист это отрицает словом и делом, а веры он не имеет.

Модернизм есть измена православной вере Модернизм в Церкви означает не то, что в ней находятся духовно больные или даже духовно мертвые люди. Модернизм состоит в том, что православные принимают больных и мертвых за живых и здоровых и позволяют им свободно обращаться в обществе православных.

Для полной и непоправимой катастрофы одних модернистов мало. Нужны еще и православные, которые не отличают модернистов от православных. В общем, можно сказать, что модернизм победил, потому что его не отличают от Православия.

Почему же православные не отличают явно неверующих от верующих? Потому что многие православные сами, по невнимательности, изменились. Остаток веры у них есть, а внешне они выглядят и ведут себя так, что модернистам под них легко подделаться. И сами такие православные судят о Православии по православной внешности, а не сути.

Модернисты ли такие православные? Может быть, и нет. В общем беспорядке это уже не важно: сам ты модернист или всего лишь считаешь православным о. Павла Островского.

Заключение

В такой ситуации есть выход. Он в том, чтобы поступать как обычно, до ужаса не оригинально.

Правильно веруй и поступай, а не мечтай. Веруй, а не суетись. Мы ведь не организуемся в группы антимодернистов не потому, что это плохо, а потому что есть нечто лучшее.

И эта неоригинальная вечная правда действует разрушительно на человеческие расчеты в Церкви. Достаточно одного человека верного Богу, чтобы опровергнуть все расчеты модернистов и примирившихся с ними.

Обо всем этом учит рассуждать христианская политическая философия. Она разрушительна для человеческой глупости и подлости, а для общественного и духовного порядка вовсе не революционна. Вот насколько важно и тонко то знание, которое дает христианская политическая философия.

Наши рассуждения о единовластии, образе жизни, форме правления и отделении Церкви от мира позволяют нам указать три отличия православного от модерниста:

Православный противостоит 1) развлечению, прежде всего в религии и политике. Он не участвует в 2) идеологической политике и в 3) Церковной реформе.

Литература

- [1] *Феодор Студит, св.* Подвижнические монахам наставления // Добротолюбие в русском переводе: В 5-ти т. М., 1901. Т. 4.
- [2] *Аристотель.* Никомахова этика // Сочинения, Т. 4. М.: Мысль.
- [3] *Григорий Палама, св.* Беседа на Введение Богородицы во Храм // Беседы: В 3 т. М., 1994. Т. 3.
- [4] *Григорий Богослов, св.* Стихотворение, в котором святой Григорий пересказывает жизнь свою // Собрание творений: В 2-х т. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1994. Т. 2.
- [5] Последование в Неделю Православия. СПб., 1904.
- [6] *Григорий Богослов, св.* Слово 32, о соблюдении доброго порядка в собеседовании // Собрание творений: В 2-х т. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1994. Т. 1.